

Шорский фольклор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ш79

Ш79 Шорский фольклор / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 489 с.

ISBN 978-5-458-58364-0

Публикуемые в данной книге материалы были собраны автором во время её поездок в Горно-Шорский район в период 1925-1932 гг. В настоящий сборник вошли образцы следующих видов шорского фольклора: героические поэмы, сказки, легенды и рассказы, поговорки, загадки и песни. Образцы фольклора представлены в оригинале и дан перевод на русский язык. В качестве приложения к сему труду включены две рецензии на книгу.

ISBN 978-5-458-58364-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем издании тексты записаны мною во время поездок в Горно-Шорский район в период 1925—1932 гг.

Я начала свои фольклорные записи как этнограф, в связи с интересовавшими меня вопросами социального строя и идеологических надстроек в историческом прошлом у шорцев, считая, что полное разрешение этих вопросов возможно лишь при глубоком изучении народного творчества, в частности — народных преданий, легенд и сказаний. Этим обстоятельством и объясняется в значительной степени характер собранных мною текстов.

В настоящий сборник вошли образцы следующих видов шорского фольклора: 1) героические поэмы, 2) сказки, 3) легенды и рассказы, 4) поговорки, 5) загадки и 6) песни.

Приведенные образцы героического эпоса дают лишь самое общее представление об этом наиболее богатом и пышном в художественном отношении жанре шорского фольклора. Героическому эпосу и сказителям — кайчи будет посвящен второй том моей работы.

На ряду со старыми песнями, нами приведено несколько образцов новых песен, среди которых особенно выделяются песни, посвященные тем, кому шорцы обязаны своей свободой, своей счастливой жизнью — Ленину и Сталину.

Новым памятникам устно-народного творчества шорцев, бурно развивающегося с каждым годом, в частности — новым песням, отличающимся высокой поэтичностью, будут посвящены в дальнейшем особые сборники.

Мой интерес к фольклору был пробужден моим покойным учителем, проф. А. Я. Штернбергом, который всегда подчеркивал важность фольклора для этнографического исследования.

При работе мне оказали большую помощь проф. В. Г. Богораз, член-корреспондент Академии Наук СССР Д. К. Зеленин, предс. фольклорной комиссии проф. М. К. Азадовский и член-корреспондент Академии Наук СССР проф. Н. И. Поппе. Особенно многим я обязана моему руководителю в области изучения тюркских языков проф. С. Е. Малову, который взял на себя труд проверить все тексты, а также их перевод.

Считаю необходимым также отметить помощь, оказанную мне в работе над национальным фольклором А. М. Горьким. Несмотря на чрезвычайную перегруженность, Алексей Максимович нашел возможным ознакомиться с моими записями и сделать ряд ценнейших замечаний, которые с глубокой признательностью были мною использованы.

ВВЕДЕНИЕ

1

Первые записи шорского языка и фольклора относятся ко второй половине XIX в.

Алтайская миссия, учрежденная в 1828 г. и начавшая свою деятельность на Алтае в 1830 г., распространила свое влияние на всю Кузнецкую тайгу, а также на юго-западную часть Минусинского края, населенную шорцами. Приступая к осуществлению своей задачи — христианизации племен Алтая — задачи, которой миссия, выполняя заказ царского правительства, придавала не только религиозное, но и политическое значение,¹ миссионеры ревностно прилежались за изучение местных наречий. Миссионеры прекрасно учитывали всю важность знания туземных языков для успешности религиозной пропаганды.

Однако язык шорцев не был предметом специального изучения миссионеров, во всяком случае не нашел такого отражения в их работах, как языки алтайский и телеутский.² «И должно сознаться, — писали миссионеры в предисловии к «Грамматике алтайского языка», составленной членами Алтай-

¹ «Вопрос о христианском просвещении инородцев, и особенности инородцев-язычников, есть вопрос первой важности не в одном только церковном, но и гражданском отношении» (из постановления собраний архиереев в Казани в 1885 г. Епископские епарх. ведом., 1886, № 13, стр. 179). «Алтайская миссия, — пишут миссионеры, — совершает служение не только церковное, но и государственное. Она вносит в Алтай русскую культуру через православие» (отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 18).

² См. Отчет Алт. дух. миссии за 1910 г.; Алтайская и киргизская миссия Томской епархии в 1892 г. Бийск, 1893; Стеф. Ландышев. Сведения об Алт. дух. миссии за шесть лет, 1856—1862: изучение языка алтайцев и переводы на оный, и т. д. На шорском языке были изданы: «Священная история на шорском языке», Казань, 1883; «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии», Казань, 1884; «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» «Шор кижилери базаларын пикикке ургетче», Казань, 1885. Кроме того, по сообщению миссионеров, «были переведены с алтайского на шорское инородцев Кузнецкого отделения, весьма отличное от наречия алтайцев Бийского округа: огласительное поучение, символ веры и краткие молитвы, исповедь и вопросы при крещении» и т. д. Стефан Ландышев, *op. cit.*

ской миссии, Казань, 1869, — что прочие наречия, шорское и черновое, остались несколько в тени, или по крайней мере не подверглись, равномерно с алтайско-телеутским, изучению и употреблению миссионеров».

В работах миссионеров мы находим лишь отдельные шорские слова и сопоставление их с алтайскими: так, напр., в названной выше «Грамматике алтайского языка», в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого, Казань, 1887, и в его рецензии на работу В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи».¹

Только отдельные шорские слова мы находим также в работе проф. Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня», Казань, 1903, и в работе С. Д. Майнаганова «Отчет по поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г.», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3, 1914.

Значительно более полно отражен шорский язык в работах акад. В. В. Радлова: «Опыт словаря тюркских наречий», СПб., 1888, «Phonetik der nördlichen Türkssprachen», Leipzig, 1882, «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи», ч. I, СПб., 1866, а также в работе С. Е. Малова «Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова», Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9, 1909.

*

Одним из средств для «прояснения в тайны религиозного мировоззрения туземного населения» и для борьбы с шаманством (в целях христианизации) миссионеры считали изучение фольклора. «Изучение быта местных инородцев, — писал свящ. Орфеев, — постановлением бывшего в Казани собрания преосвященных архиереев признано важным средством, содействующим успеху миссий. Источником для изучения быта и верований инородцев, кроме непосредственного наблюдений, может служить местная инородческая устная литература».² Вот почему алтайские миссионеры параллельно с изучением языка собирали и записывали образцы фольклора.

¹ Приложение к книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы», Москва, 1893.

² «Быт мияусинских инородцев, каковы он изображается в их поэмах», Енисейские епархиальные ведомости, 1859, № 212.

В предисловии к «Грамматике алтайского языка» составители ее писали: «При первоначальном составлении этого труда главнейшим и, можно сказать, единственным источником по части текстов служило собрание телеутских и алтайских, отчасти коңдомских¹ народных произведений, составленное самими миссионерами» (стр. VI). Но собранные миссионерами «коңдомские народные произведения» не были изданы и до нас не дошли.² Первые записи шорского фольклора (богатырский эпос) мы находим в названном выше труде акад. В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен», т. I (стр. 310—399). Отдельные записи содержатся также в упомянутом «Отчете» С. Е. Малова (стр. 41—46).

*

До Октябрьской революции шорцы не имели своей письменности. Торговцы-шорцы для своих торговых записей употребляли изобразительное письмо. Охотники делали особые затесы на деревьях. Грамотные шорцы (по данн. 1900 г. был всего 1% грамотных шорцев) пользовались русским алфавитом, лишь несколько приспособив его к шорскому языку. Лишь после Октябрьской революции шорцы получили свою письменность, самими шорцами был выработан алфавит, в основу которого был положен русский алфавит, и в 1927 г. был издан первый шорский букварь: «Қарашқыдаң шығар. Шорлардың паштапқы үргәнчең буквары» (Центральное издательство народов СССР, Москва). В 1930 г. шорский алфавит был латинизирован. Первый букварь на латинизированном алфавите вышел в 1930 г.: «Xaa col» SSSR conlyñy senter izdatelstwyazь. Moskьva, 1930. Латинизация шорского алфавита явилась большим тормозом в деле развития шорской письменности. В настоящее время шорцы имеют алфавит на русской основе и на нем успешно развивают свою письменность.

Горно-Шорский район имеет газету «Кызыл шор» на шорском языке.

Институтом языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра и Институтом этнографии Академии Наук СССР организовано планомерное изучение шорского языка и фольклора. В настоящее время подготовлена к печати грамматика шорского языка и ведется работа по составлению шорско-русского словаря.

¹ Т. е. шорских.

² Сохранились только некоторые легенды о горах (в русском переводе) в книге «Алтайские народцы» Вербницкого и несколько пословиц и поговорок — taqraq söster — в шорском букваре — «Шорский букварь для народцев восточной половины Кузнецкого округа», изд. Православного миссионерского об-ва, Казань, 1885.

Большое внимание шорскому языку уделяется также в Горно-Шорском районе. Силами местных работников-шорцев составлены практические грамматики для школ и осуществляется работа по переводу на шорский язык политической литературы и классиков русской литературы. Развивается также оригинальная шорская литература.

2

Произведения художественного творчества шорцев существовали до Октябрьской революции в устной форме.

Основные виды устно-народного творчества шорцев:

I. Сказки — называемые *šörčök* (на р. Коядоме), *nybaq~nybaq* (на рр. Томь и Мрассу), *partpaq* (в верховьях р. Мрассу), — бытового и фантастического содержания.¹

II. Небольшие рассказы и легенды — *ruŋuŋu čooq*, *ker čooq*, *erbek*² или *tiläs*³ — типа преданий или бывальщин. Здесь мы находим рассказы исторического содержания, обычно о набегах киргизов, о легендарных народах, о битвах, рассказы о прежней жизни шорцев, об охоте, эксплуатации охотников торговцами и т. д. Подобного рода рассказы носят еще иногда название *šun*⁴ [правда, действительно, истина] или *šun roŋan* [действительно, на самом деле было]. Среди легенд большое место занимают охотничьи легенды, легенды о «хозяевах» гор и воды.

По внешнему строю это прозаические рассказы, небольшие по размеру, не имеющие ни определенного начала, ни трафаретной концовки. Они начинаются обычно: «Один человек охотиться ходил», «Тот человек прежде на промысел ходил» или «Одна артель на Падын тайге охотилась». Рассказчик называет или или промышленника: «Когда Лука на промысел пошел», или же ведет рассказ от себя, как непосредственного участника происшедших событий: «На промысел на тайгу Кюбес я отправился», или же говорит: «Один охотник на промысел ходил», «Тот человек запас собрав, на промысел отправился» и т. д.

¹ Ср. *čörčök* (Tel), *čörčök* (Tel, Leb), *šörčök* (Sch) *nybaq* (Sch) — сказки, *partpaq* (Sag) — богатырская сказка. *Heldengosang* — сказка. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. I, стр. 2021, 2042, 697, 651; т. VI, стр. 1037; *šörčök* (K), *nybaq* (Абак.) — сказка. В. И. Вербицкий. Словарь, стр. 213, 451.

² *erbek* ~ *erčök* — беседа, разговор, заговор, нарекание. Вербицкий, 50; Радлов, I, 801.

³ *til'as* — собственно значит: известно, новость, весть, повествование, ср. *til* — язык, *til*, *aly* — вести беседу с кем. Вербицкий, 364, *tiläs* — шум, весть, молва. Радлов, III, 1383.

⁴ *šun* — истина, правда, действительность, так. Вербицкий, 465. *šun* ~ *čun* — истинный, истина. Радлов, 1049.

Многочисленны и космогонические легенды (мифы о сотворении земли, людей, о потопе и т. д.).

К этому же разделу могут быть отнесены и легенды о животных (напр. медвежьи мифы), а также рассказы о животных, типа животного эпоса.

Особо могут быть выделены рассказы и сказки смешного содержания, называемые *qatqulyğ*. Они рассказываются, обычно, мужчинами на промысле.

III. Поговорки — *ker sös*, *taqraq sös* или *ülger sös* — имеют обычно форму двуступий. *ker sös* или *ülger sös* входят как составной элемент и в общую композицию героических поэм (напр. *kijik tüktüg polsañ, kiži attıyğ polsañ* — козуля бывает с шерстью, человек должен иметь имя — слова богатыря, требующего, чтобы ему дали имя; *alqan oq taštañ napmas, ragıan er çoñlañ napmas* — выстреленная стрела не возвращается от камня, ушедший мужчина не возвращается с пути и др.). Речь некоторых стариков пересылялась такими *ülger söster*ами.

IV. Загадки — *tartırcañ nybaqlary, tarcañ nybaq, tarcañ partıraq, tartırguş, nybağaştar, taqraq, tarcañu*¹ — служили развлечением в долгие осенние и зимние вечера главным образом для молодежи и детей.

V. Эпические богатырские поэмы, подустихотворные, полупрозаические, *qaj*,² рассказываемые параспев под аккомпанемент музыкального инструмента *qomus ~ qobus* или *qaj qomus*. Сказитель обычно начинает с прелюдии, во время исполнения которой он как бы обдумывает свою поэму. Затем он начинает петь низким горловым голосом. Поэму сказитель поет по частям (по несколько двуступий), заканчивая каждую часть пением без слов или одним лишь аккомпанементом на комысе. Содержание простой части сказитель затем передает словами без пения. Отдельные сказители начинают *qaj* с обращения к герою сказания и к своему комысу. Богатырские или героические поэмы имеют строго выработанную форму, определенные, почти стандартные начала и концовки. Они изобилуют повторениями и сравнениями

¹ *tarcañu* — собственно отгадка. См. Вербицкий, 235; Радлов, III, 974, 698. *taqraq ~ taqrıuş* — басня, загадка (Вербицкий, 327).

² Героический эпос называется иногда также *nybaq ~ naqraq ~ şöçek* (ср. Радлов, IV, стр. 651, *partraq* (Sag) — *Heldengesang, ein Märchen*). Название *qaj* указывает на способ их исполнения (*qaj* — гортанные звуки, производимые при рецитировании сказок; *qajla* — гортанным звуком рецитировать сказки — Радлов, II, 3, 27).

Сами шорцы делают различие между сказочниками и сказителями поэм. Первые они называют *naqraqçı, nybaqçı*, а вторых — *qajçı*.

и очень длинные. Правда, сказитель по своему желанию и настроению, а также в зависимости от внимания слушателей может передать поэму более кратко и сжато, опустив ряд подробностей и эпизодов, или, наоборот, передать ее пространно, прибавляя некоторые детали, украшая ее различными образами, привлекая ряд сравнений.

VI. Песни, *saɣun*, слагаемые на различные случаи жизни. Стих имеет строфическое строение. Строфы обычно состоят из двух или четырех строк. Часто песни импровизируются. Песни поются соло и хором. Поют хором обычно в унисон. На один и тот же мотив поются самые разнообразные песни. Часто песни поются под аккомпанемент *qomys*'а или балалайки.¹ Песни по своему содержанию распадаются на: *syt~syut* — плачи, которые исполнялись обычно при оплакивании умершего, свадебные песни — *toj saɣun*, игровые песни — *oɣun saɣun* (жанр мало развитый), песни любовные, то *жалебные*, то задорно насмешливые, песни бытовые — самого разнообразного содержания — и песни исторические, как, напр., про богатырей-предков отдельных родов, про битвы и столкновения. По своей форме песни разделяются на длинные («протяжные») песни, обычно лирические — *uɣun saɣun* и двустишья или четырехстишья — *taɣraq*, типа частушек.

Особый вид четырехстиший и двустиший составляли *söğüš*² — насмешливые песни или пословицы, которые слагались представителями одного рода (*sök'a*) для высмеивания тех или иных черт представителей другого рода, жителями одного селения для вышучивания жителей других селений и т. д. *söğüš* иногда создавались также представителями одного пола для вышучивания другого пола.

Отдельные песни исполнялись в виде дуэта. Двое исполнителей, обычно юноша и девушка, состязались в остроумии и образности речи. Один из них начинал песню, слова другого были ему ответом (см., напр., песню *aɣ qıɣun-ma kün aɣud*). В старину устраивались состязания известных певцов. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из состязающихся не умогал, истощив свое красноречие.

В поэзии шорцев, как и в поэзии других алтайских народов, весьма развита аллитерация. Песни, *saɣun*, так же как и богатырские поэмы, *qaj*,

¹ *šeršer qomys* (Sch) — двухструнная балалайка. Радлов, II, 670.

² *söğüš* — поношение, порицание, проклятие, злословие, от *sök*, *sökle* (*sökküle*) — ругать, бранить, порицать, насмехаться, издеваться. Вербицкий, 305; Радлов, II, 570, 576.

по форме стиха представляют собой так называемый белый стих. Еще В. И. Вербицкий писал про песни алтайцев: «В песни непременно требуется два условия: 1) чтобы она имела сравнение; 2) чтобы строфы из двустопный или четырехстопный начинались всегда с одной и той же буквы. О хвостах (рифмах) алтаец не тужит, у него были бы согласны головы».¹ Наблюдается как начальная аллитерация, так и аллитерация внутренняя. Пример аллитерации начала строк:

qazıñ aǵaşqa pür özerde
qaıyq çon çadyp tüştür;
terek aǵaşqa pür özerde
tekşi çon çajala tüştür.

qaıaq-pa çer pöler tušta,
qamyş-pa suǵ pöler tušta

aq maıdyñ artazynda,
aq çazynyñ ortada
ajya künge sustaıançe
aıtyñ öрге turça

qartyya quştuñ ujazy
qadyǵ qajanyñ tözünde

Пример аллитерации полустрок:

aıar kelip aj öldü,
köger kelip kün öldü

qarslada qatqyrdy,
kürslede külübüstü

В некоторых случаях ради аллитерации приносится в жертву отчасти и содержание. Так, напр., в концовках poem вместо:

odurup uqqan kizilerge
çıuq pölüş çetsin;
çadyp uqqan kizilerge
çardyq pölüş çetsin.

¹ В. И. Вербицкий. Алтайские народцы, Москва, 1893, стр. 167.

иногда говорят:

odurup uqqan kižilerge
orta¹ ülüš četsin;
čadyp uqqan kižilerge
čardyp ülüš četsin.

Рифма иногда встречается как в песнях и эпических поэмах, так и в пословицах и поговорках. Рифма определяется морфологическим строем языка и композицией стиха. В противоположность аллитерации рифма развита слабо.² Пример:

čabał tonnuġ apşyjar
čäbyġ ałtyna kirdiler,
eski tonnuġ qurt'jaqtar
emge kire čügürüštüler.

Параллелистическая композиция характерна для поэзии шорцев, как и для поэзии алтайских тюрков вообще.³ Обычно строфа состоит из четырех строк,

¹ tjuq rölüš — целая, полная доля, orta rölüš — половина, поддоль. Во втором случае для соблюдения аллитерации вместо требующегося по смыслу слова tjuq употреблено слово orta. Вместо обычной концовки:

Сидя слушавшим людям
Полная доля пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Поддоль пусть достанется —

получается:

Сидя слушавшим людям
Поддоль пусть достанется,
Лежа слушавшим людям
Поддоль пусть достанется.

² См. о форме стиха у алтайских тюрков: W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, B. IV, 1866, S. 82—114; W. Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1893, B. I, S. 342; A. Schiefner. Предисловие к I тому «Proben der Volksliteratur Türkischer Stämme Südsibiriens von Dr. W. Radloff», СПб., 1866, стр. IX—XVI.

Форме стиха у тюркских народов вообще посвящены следующие работы: статья Л. Лилина «К вопросам формального изучения поэзии турецких народов», являющаяся изложением на русском языке работы Т. Kowalsky «Ze studjow nad formą poezji ludow tureckich», напечатанной в трудах Ориенталистической комиссии польской Академии Наук, Краков, 1921. Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та, Востоковедение, т. I—II, Баку, 1928, стр. 37—60, 139—201; статья Ф. Корша «Древнейший народный стих турецких племен». Записки Восточного отд. Русск. арх. об-ва, т. XIX, вып. II—III, стр. 142—162.

³ Ср. П. Мелиоранский, «Об орхонских и енисейских надгробных надписях». Журн. мин-стерства нар. просвещ., 1898, т. 31, стр. 279—280: «Особенно характерной чертой надписей является так называемый параллелизм, причем друг другу соответствуют не только отдельные части предложений или периодов, но даже отдельных частей надписей. Кое-где замечается и аллитерация».

распадающихся как по содержанию, так и по форме на две половины. Двух-членная структура присуща в равной мере и поэзии и прозе. Примеры:

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

turıan ayaş paštary
tura synyş-ertişti,
çatqan ayaş paštary
çada synyžyp ertişti.

örtten aryğ şyrajy
ölgen pārya kepten-partyr,
qannañ qyzyl şyrajy
qara pārya kepten-partyr.

sasqa ösken saryğ tał
sarğarbançe össün-me!
kižiden tıyan er pała
sananmançe çörsün-me!